

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Статья первая

1. Множественность и разнородность интеллектуальных процессов

"Знаете ли Вы задачу, состоящую в том, чтобы построить четыре равных треугольника из шести спичек? Сначала она кажется неразрешимой и действительно является таковой до тех пор, пока ее пытаются решить в пределах двух измерений. Но как только ее решение переносят в трехмерное пространство - трудности исчезают..."

К сложным и многообразным явлениям человеческого интеллекта в современной философии, социологии и психологии до сих пор подходят чрезмерно упрощенно. И то, что многие при этом признают исключительную сложность и неповторимость интеллектуальных процессов, нисколько не меняет реального положения дел. Слова эти стали своеобразным кокетством тех, кто занимается изучением интеллекта, с одной стороны, а с другой - их можно рассматривать как своеобразную компенсацию качества получаемых результатов. Чем больше говорят о сложном и сокровенном характере человеческого интеллекта, тем больше оправдывают в чужих и своих собственных глазах многочисленные парадоксы и несоответствия, получают -

*Этот текст представляет собой рукописный вариант статьи, которую Г.П. Щедровицкий готовил к изданию. Это 59 страниц рукописного текста, более половины из них записаны с двух сторон. Статья лежала в папке под названием "Смысл и понимание. Заметки и материалы к статье". Заметки помечены 1973 г. (Арх. № 3686). Но заметки и варианты текста, которые лежали внутри статьи, датированы июлем и августом 1977 г. В 1977 г. Г.П. Щедровицкий два раза делал доклады на Комиссии по мышлению и логике "Рефлексия: понимание и мышление в групповой интеллектуальной деятельности" (Арх. № 2068, 355). Скорее всего и предлагаемая вниманию читателей статья относится к этому же времени. При подготовке к публикации текст автора практически не редактировался, списка литературы нет, поэтому указанные в тексте места для ссылок не могут быть реконструированы и потому просто удалены; единственной трудностью было сделать выбор из авторских вариантов редакции, что целиком находится на ответственности публикатора. - Г.А. Давыдова.

Варианты: Мышление, понимание и рефлексия в групповой интеллектуальной деятельности. Мышление, понимание и рефлексия в коммуникативных структурах.

** Варианты: Внутренняя неоднородность интеллектуальных процессов. Интеллектуальные процессы и коммуникация.

ИНТЕЛЛЕКТ И КОММУНИКАЦИЯ*

Г. П. ЩЕДРОВИЦКИЙ

// Вопросы философии, 2004, № 3, с.
170-183.

Статья первая

1. Множественность и разнородность интеллектуальных процессов

"Знаете
ли Вы
задачу,
состоящ
в том,

чтобы
построить
четыре
равных
треугольника
из
шести
спичек?
Сначала
она
кажется
неразрешимой
и
действительно
является
таковой
до тех
пор,
пока ее
пытаться
решить

в
пределах
двух
измерений
Но как
только
ее
решение
переносится
в
трехмерное
пространство
-
трудности
исчезают

К сложным и многообразным
явлениям человеческого интеллекта в
современной философии,
социологии и психологии до сих пор

подходят чрезмерно упрощенно. И то, что многие при этом признают исключительную сложность и неповторимость интеллектуальных процессов, нисколько не меняет реального положения дел. Слова эти стали своеобразным кокетством тех, кто занимается изучением интеллекта, с одной стороны, а с другой - их можно рассматривать как своеобразную компенсацию качества получаемых результатов. Чем больше говорят о сложном и сокровенном характере человеческого интеллекта, тем больше оправдывают в чужих и своих собственных глазах

многочисленные парадоксы и
несоответствия, получае-

*Этот текст представляет собой рукописный вариант статьи, которую Г.П. Щедровицкий готовил к изданию. Это 59 страниц рукописного текста, более половины из них записаны с двух сторон. Статья лежала в папке под названием "Смысл и понимание. Заметки и материалы к статье". Заметки помечены 1973 г. (Арх. № 3686). Но заметки и варианты текста, которые лежали внутри статьи, датированы июлем и августом 1977 г. В 1977 г. Г.П. Щедровицкий два раза делал доклады на Комиссии по мышлению и логике "Рефлексия: понимание и мышление в групповой интеллектуальной деятельности" (Арх. № 2068, 355). Скорее всего и предлагаемая вниманию читателей статья относится к этому же времени. При

подготовке к публикации текст автора практически не редактировался, списка литературы нет, поэтому указанные в тексте места для ссылок не могут быть реконструированы и потому просто удалены; единственной трудностью было сделать выбор из авторских вариантов редакции, что целиком находится на ответственности публикатора. - Г.А. Давыдова . _____

Варианты: Мышление, понимание и рефлексия в групповой интеллектуальной деятельности. Мышление, понимание и рефлексия в коммуникативных структурах.

**** Варианты: Внутренняя неоднородность интеллектуальных процессов. Интеллектуальные процессы и коммуникация.**

мые при исследовании его традиционными средствами и методами анализа, и таким образом избавляют себя от необходимости искать новые формы и способы видения объекта.

Сейчас можно назвать уже целый ряд направлений, в которых отчетливо обнаруживается слишком упрощенный характер наших теоретических представлений об интеллекте и соответственно недостаточность и неадекватность

использованных нами средств и методов анализа.

Я останавлиюсь на двух из них, до сих пор меньше всего обсуждавшихся в литературе и в наших собственных публикациях. Одним из них - и может быть, именно в нем ярче всего проявляется чрезмерная упрощенность наших подходов - является стремление представить интеллект в виде однородного целого.

Когда в 50-е гг. в отечественной логико-методологической литературе была выдвинута программа построения единой и обобщенной

теории мышления и начались интенсивные исследования знаниевых и операциональных структур, то все явления интеллекта, обсуждавшиеся в философских и психологических работах, фактически оказались сведенными к мышлению, а все остальное было отодвинуто на задний план как несуществующее. Затем в середине 60-х гг. в методологии начались углубленные исследования рефлексии, и это привело к тому, что сейчас в целом ряде философских и психолого-педагогических работ рефлексия рассматривается в качестве основного

интеллектуального процесса,
охватывающего и подчиняющего себе
все другие, в том числе и мышление.
А сейчас, когда одним из фокусов
исследования интеллекта стало
понимание, в философских и
специально-научных, особенно в
психолингвистических, работах
обнаруживается не менее сильное
стремление представить понимание
в качестве тотального,
всеохватывающего и
всепроникающего интеллектуального
процесса.

Сами по себе эти смены планов
осмысления интеллекта не так уж
страшны, а если рассматривать их

как увлечение новыми направлениями анализа, то можно было бы признать их даже закономерными и полезными, если бы они сопровождались углубленным изучением процессов мышления, понимания и рефлексии. Такое изучение неизбежно привело бы к выявлению специфики каждого из этих процессов и к внутреннему самоограничению их в рамках интеллекта как целого, что потом с необходимостью вылилось бы в вопрос об их взаимных связях и соотношениях. Но такого углубления в специфику названных процессов при всех этих переменах (во всяком

случае, в массовой научной литературе) не происходило.

Вместо этого каждый раз производилось переименование уже исследованных процессов: то, что раньше называлось мышлением, теперь описывалось как рефлексия, то, что раньше проходило как рефлексия, теперь трактуется в качестве понимания и т.п. И все, что было известно об интеллекте, теперь пересказывалось под новым углом зрения и в новых словах. В результате никогда не удавалось выйти к задаче взаимного ограничения этих процессов и к выяснению их связей и

взаимоотношений внутри каких-то реальных целостностей.

Поэтому, какие бы смены точек зрения и планов осмысления не происходили и сколько бы проекций интеллекта мы не фиксировали в наших знаниях, он по-прежнему оставался однородным и весьма простым в своем внутреннем членении. Сложность и многообразие знаниевых проекций не переводились в план устройства самого объекта, ибо не было того структурного и функционального пространства, в котором эту задачу можно было ставить и решать методологически осмысленно.

Таким образом, наши представления об интеллекте, вырабатываемые при разных подходах и углах зрения, стали уже достаточно сложными и разнообразными, а сам интеллект по-прежнему мыслится как простой и однородный. И в этом состоит первое совершенно очевидное переупрощение в наших теоретических представлениях интеллекта.

Но сам вопрос, к которому мы таким образом подошли, каков тот целостный объект, который мог бы объединить в своей системе конкретные процессы мышле-

ния, понимания и рефлексии, или, что то же самое, каково то "пространство", в котором эти процессы могут существовать в объективных связях и соотношениях друг с другом, выводит нас к новому кругу проблем, в которых слишком упрощенный характер наших теоретических представлений об интеллекте проявляется не менее резко, чем в первом.

В принципе задача построения объекта для тех или иных методологических и теоретических

исследований интеллекта является крайне сложной и многоплановой. Но мы, естественно, не будем рассматривать ее во всем объеме, возьмем лишь один аспект, непосредственно связанный с темой настоящего исследования; речь пойдет об отношениях и связях между интеллектуальными процессами и коммуникацией.

Хотя реально вся интеллектуальная работа может происходить в условиях деятельности коллектива, замкнута на общение людей друг с другом (как в рамках малых групп, так и в рамках культурно-исторических общностей) и представляет собой по сути дела

спор человека с другими людьми, несмотря на все эти совершенно очевидные условия и обстоятельства, вне которых интеллектуальная жизнь и деятельность людей вообще не может быть помыслена, коммуникация никогда прямо не учитывалась в исследовании и нормировании интеллектуальных процессов - ни в качестве конституирующего интеллект фактора, ни в качестве существенно влияющего на него обстоятельства. По сути дела, во всех исследованиях - философских, логических и психологических - интеллектуальные процессы рассматривались как

автономные и совершенно независимые от процессов коммуникации; почти все, занимавшиеся этими проблемами, говорили, что интеллект проявляется или выражается в коммуникации, но не было почти никого, кто рискнул бы сказать, что интеллект создается коммуникацией (хотя сейчас такое утверждение кажется уже естественным и чуть ли не само собой разумеющимся).

Источником и конечным основанием этого всегда, по-видимому, была социотех-ническая установка на организацию и нормирование интеллектуальной деятельности

отдельного индивида. Неважно, что интеллектуальные процессы осуществлялись всегда в условиях деятельности определенной социокультурной общности, а часто также в условиях коллективного или группового действия, сложившаяся (уже по крайней мере с античности) система разделения труда и фиксировавшие ее социокультурные и организационные формы (такие как разделение умственного и физического труда, предметизация и профессионализация умственной деятельности, организация знаний по отдельным дисциплинам и т.п.) реально превращали отправление

этих процессов в жестко обособленные действия и деятельности отдельных индивидов, для которых тексты коммуникации становились действительностью особого рода, тем материалом, в котором был выражен и представлен мир и который в силу этого подлежал специальному мыслительному анализу. Именно их нужно было затем нормировать и таким образом интегрировать, чтобы обеспечить единство и целостность общественных систем деятельности.

Примечания . Таким образом, мы рассматриваем "индивидуальную деятельность" как исторически

возникшую и, следовательно, в принципе исторически преходящую форму членения и организации общественной деятельности. В этом плане исторический процесс делает своеобразный круг: сначала за счет коммуникации и ее специфических средств он связывает и объединяет поведение приматов в целокупную общественную деятельность людей (деятельность, которая на первых порах возможна только как массовое поведение), а затем начинает дробить и разделять ее (теперь уже как деятельность) на отдельные подсистемы и в какой-то момент приводит к таким единицам, как

"индивидуальная (интеллектуальная и производственно-практическая) деятельность". При этом тексты сообщений, которые сложились исторически как средства связи, объединяющие поведения отдельных людей в единую и интегрированную за счет коммуникации общественную деятельность, приобрели новую и в известном смысле противоположную функцию: для каждого индивида, отправляющего интеллектуальные процессы, они заместили другие части и фрагменты це-

локупной общественной
деятельности, стали их знаково-
символическим представлением,
вместе с тем - особой
действительностью, и благодаря
этому позволили деятельности
каждого отдельного индивида
выделиться из ткани ее реальных
общественных условий, через
посредство знаков оторваться от
других частей и фрагментов
общественной деятельности и
автоматизироваться. Примерно так в
системе интегрированной
общественной деятельности
возникали такие образования, как
индивидуальная интеллектуальная

деятельность - сначала как особые
организованности массовой
общественной деятельности, а потом
как единицы, на которые она
распадалась и из которых
складывалась.

Но здесь пока склеены два разных
момента: методологическая
констатация и псевдоисторическое
выведение и объяснение. К такому
выведению мы подошли в самых
ранних работах 1961-1962 гг. Тексты
коммуникации всегда несут две
противоположные функции: с одной
стороны, они выступают как
средства связи оторвавшихся друг от
друга частей деятельности, а с

другой - как средства разделения и обособления их. Одновременно появляется третья функция - дополнения до целого, а вместе с ней неоднородность самой деятельности, совмещение в ней реально-деятельностных и знаково-символических планов.

Но это одновременно и та точка, в которой появляется мышление как таковое, т.е. деятельность со знаками, понимаемыми и трактуемыми как замещение или даже представление (в чем разница между тем и другим?) реального деятельностного мира.

При таком выведении отчетливо обнаруживается обстоятельство, на которое обращают внимание многие авторы, занимающиеся исследованием происхождения мышления - в своем генезисе мышление неразрывно связано с мифом и мифическим освоением действительности. Так должно быть, если мы понимаем мышление как работу с замещающими или символизирующими знаками.

Тексты коммуникации мы уже давно зафиксировали как отличающиеся от текстов трансляции: первые выступают как функциональные

элементы и средства в деятельности, вторые же, напротив, представляют собой прежде всего самостоятельное и автономное явление, по отношению к которому будет разворачиваться своя особая деятельность. Тексты трансляции - это мир, они - сама действительность. Именно благодаря организационному осуществлению индивидуальной интеллектуальной деятельности, поддержанию и воспроизводству ее, появляются выраженные тексты трансляции. Сначала они не имеют самодовлеющего значения. Ибо трансляция осуществляется за счет и

в форме образцов. Но постепенно тексты становятся все более полными и самодовлеющими, они начинают описывать образцы и сами становятся образцами. Образуется мир текстов и появляется совершенно особое отношение к текстам. Теперь уже не как к средствам коммуникации, а как к знаковому представлению мира.

Соответственно этой социотехнической ориентации на индивидуальную деятельность строились конструктивно-технические и собственно исследовательские предметы, а

также философские мировоззрение и идеология.

Неправильно и наивно думать, что эти предметы (включая и собственно исследовательские) строятся по принципу соответствия тем или иным реальным объектам -так мог думать только тот, кто верил в возможность непосредственного созерцания реального объекта. На деле все происходит иначе: в рамках каждого предмета строится соответствующая его структуре и элементам схема объекта.

Нормативно-организационная ориентация на отдельного индивида

определяла, начиная с античности, характер всех конструктивно-технических, исследовательских и собственно научных предметов, связанных с интеллектуальными процессами - методологию, логику, теорию сознания и психологию. Линия на организацию деятельности и мышления индивида прямо и непосредственно отражалась на направлениях объективации нормативно-организационных, в частности логико-методологических, схем: интеллектуальные процессы, которые должны были ими нормироваться, приписы-

вались индивиду и рассматривались как порождаемые им за счет внутренних творческих сил (ἐντελέχεια древних*), а сам индивид в отношении к этим процессам выступал как носитель, порождающая причина (или сила) и источник. Эти схемы объяснения и исследования оформлялись в соответствующем философском мировоззрении и идеологии. По крайней мере с XII в. в европейской культуре утверждается и получает распространение в качестве равноправного и совершенно законного тот стиль и способ мышления, который позднее, уже в

XIX в., получил название "психологизма". Его точно так же питала и поддерживала в течение веков установка на организацию и нормирование деятельности и мышления отдельных индивидов.

И пока эта социотехническая установка со всеми обслуживающими ее теоретическими представлениями и производимыми в ее рамках продуктами оставалась действенной в практическом и организационном плане, тщетными были все теоретические и методологические призывы к другому видению, осмыслению и исследованию

интеллектуальных процессов и интеллекта в целом. Даже в тех случаях, когда принципиально иные воззрения на интеллект (скажем, такие, как гегелевские) не отвергались с самого начала в принципе, как "нереальные", "неосмысленные", "ложные" и т.п. <...>, а наоборот в силу тех или иных социокультурных обстоятельств принимались в качестве идеологии или основного ядра господствующего мировоззрения, они все равно так трансформировались и переосмыслялись, что начинали оправдывать нормативно-организационную ориентацию на

индивида как такового и
"психологизм" в исследованиях и
теоретических объяснениях. И в этом
плане самой поучительной,
наверное, является история
разработки Марксова тезиса об
общественной природе интеллекта
<.. >

Всем этим трансформациям и
переосмыслениям не надо
удивляться. Наивно было бы думать,
что конструктивно-технические и
исследовательские предметы
строятся в соответствии с
"истинным" представлением об
объекте - так мог думать и
представлять себе познание только

наивный гносеолог, верящий в возможность непосредственного созерцания реальных объектов. Сейчас мы уже достаточно хорошо знаем, что все практически значимые, или непосредственно институционализируемые (социализируемые), предметы строятся в соответствии с той или иной уже существующей социотехнической практикой, а ориентация на "истинное" теоретическое представление (в противоположность "ложному", практическому) является регулятивным принципом только для узкой группы чисто теоретических

предметов (всегда характеризующихся как "оторванные" от реальной практической жизни), выполняющих в своей сути прежде всего революционно-критическую функцию <...>.

Конечно, обсуждая весь этот круг проблем, нельзя сводить все к одним лишь организационно-нормативным разработкам и представлять себе дело так, что все предметы и все создаваемые в них или по поводу них теоретические представления прямо и непосредственно отражали социотехническую установку и автоматически менялись вслед за изменением социотехнической

практики. Все теоретические предметы, поскольку они уже сложились и определенным образом организовали процессы исследований и разработок, имеют свою собственную жизнь и свои имманентные законы функционирования и развития. Эти предметы постоянно воспроизводятся и повторяются соответственно своей структуре и организации. Благодаря этому они приобретают устойчивость и независимость по отношению к их деятель-ностному окружению и оказывают обратное влияние на социотехническую практику,

препятствуя ее изменению и развитию. Иногда это обратное воздействие существующих предметов и связанных с ними теоретических представлений бывает на-

* В значении "осуществленность, законченность"; по Аристотелю, "единство материальной, формально действующей и целевой причины". Это значит, по А. Лосеву, переход от потенции к организованно проявленной энергии, которая сама содержит в себе материальную субстанцию, причину самой себя и цель своего движения (Философская энциклопедия. Т. 5. С. 564).

столько сильным, что может на десятилетия и даже на столетия затормозить развитие уже возникших и существующих в зародыше новых форм организации деятельности.

Именно это, на наш взгляд, в течение длительного времени происходило в сфере интеллектуальных процессов. Представление об их индивидуализированном характере стало предрассудком¹. В силу этого исторически преходящая форма расчленения и организации целокупной общественной деятельности, оформленная и закреплённая в этих представлениях

стала восприниматься и трактоваться как единственно возможная и естественно вытекающая из природы самой человеческой деятельности. В результате этого даже в тех случаях, когда реальные способы отправления интеллектуальных процессов существенно менялись, приобретали явно коллективные формы и осуществлялись преимущественно в коммуникации и через коммуникацию, ставя в совершенно новое отношение к самим процессам, и все это приобретало, казалось бы, совершеннейшую очевидность и выпуклость, даже в этих случаях коллективная и

коммуникативная природа интеллекта не осознавалась, оставалась за рамками методологического и теоретического описания, ибо уже существующие теоретические представления об индивидуальной интеллектуальной деятельности не давали места коммуникации внутри интеллекта и в его структуре. Коммуникация могла быть привлечена и описана, но только как нечто внешнее по отношению к субстанции интеллекта, как средство общения индивидуальных интеллектов друг с другом, но не как средство

конституирования самого интеллекта.

Насколько силен этот предрассудок, прекрасно показывает (хотя и в миниатюре) история исследований интеллектуальных процессов в Московском методологическом кружке. Практически вплоть до начала 70-х гг. основные усилия направлялись на разработку теории индивидуализированных интеллектуальных процессов, хотя вся практика реальной интеллектуальной работы кружка с начала 50-х гг. демонстрировала нечто иное.

Семинарские заседания кружка были мало похожи на традиционные академические собрания, в которых докладывают о полученных результатах. Докладчик по сути дела только начинал обсуждение темы. Он должен был определить проблему, в обсуждение которой включались затем все остальные. Границ между самим докладом и дискуссией практически не существовало. Заседание представляло собой коллективное обсуждение и решение проблемы, в которых нередко разворачивались одновременно и параллельно сразу два или три доклада на одну тему. Правильнее

было бы даже сказать, что это были содоклады и контрдоклады, ибо игра в доказательства и опровержения стала основным принципом организации всей интеллектуальной жизни кружка.

Вопросы можно было задавать после каждого смыслового куска доклада или дискуссии, практически - по каждому тезису. Иногда они были направлены на понимание сказанного, но, как правило, они касались не столько непосредственного содержания сделанных утверждений ², сколько различных элементов интеллектуальной деятельности,

осуществляемой докладчиком и его оппонентами: формулирование целей, задач, оснований, проблематизация средств и методов мыслительной работы, логических схем рассуждений, критериев оценки полученных результатов, способов доказательств и опровержений и т.п. В результате главным моментом интеллектуальной работы коллектива становилась рефлексия по поводу деятельности, осуществляемой отдельными членами кружка и кружком в целом. Иначе говоря, в ходе этой рефлексии могли проблематизироваться и подвергаться критическому

1 В обоих смыслах этого слова: 1) тем, что предзадано индивидуальному рассудку в качестве действительности, обладающей объективным статусом, и 2) тем, что уже больше не подвергается критическому анализу. _____

2 Это содержание интересовало членов кружка в последнюю очередь.

175

анализу и перестройке не только любые элементы интеллектуальной работы, но и ее основания, способы и стиль мышления, его категориальный строй и логические нормы, языки описания и онтологические картины в такой же

мере, как отдельные понятия, модели и принципы анализа.

Поэтому в любой момент все собрание в ходе дискуссии могло перейти с обсуждения исходной темы на обсуждение средств и методов работы, выбранных докладчиком или его оппонентами, начать трансформацию и реконструирование этих средств и методов, затем снова совершить рефлексивный выход и обратиться к анализу средств и методов этой конструктивной деятельности, начать их перестройку или проектирование новых средств подобной работы и вернуться к

исходной теме лишь через несколько недель или месяцев напряженной работы, разворачивавшейся сразу в нескольких различных слоях и планах мышления. Количество уровней рефлексии, на которые могло выйти обсуждение, никогда заранее не фиксировалось - оно определялось всегда ситуативно в соответствии с возможностями работающего в этот момент коллектива.

В силу такой достаточно "свободной" организации работы на каждом заседании разворачивалось сразу и одновременно несколько различных планов обсуждения каждой темы.

При этом, естественно, нельзя уже было говорить о каком-то одном и едином результате интеллектуальной работы: таких результатов всегда было много -соответственно различным планам рефлексивного осмысления хода коллективной работы и непрерывно меняющихся ситуаций.

Множественность планов обсуждения и параллелизм в их развертывании делали необходимым функциональное структурирование группы: одни из участников коллективной работы принимали задачу конструктивного развертывания темы, создавали

модели и фиксирующие их понятия, другие брали на себя задачу критики этой конструктивной работы и решали ее с культурно-исторической или категориально-методологической точки зрения, третьи фальсифицировали созданные конструкции относительно эмпирического материала, четвертые проблематизировали средства и методы работы, пятые начинали разработку новых средств и методов и т.д.³ В ходе обсуждения темы каждый из участников развивал свою собственную линию и постоянно стремился "перетянуть" общую дискуссию в свой собственный план

работы. Но продуктивная
содержательная работа каждого была
возможна лишь в органической связи
со всеми другими, лишь при условии,
что в общей целокупной работе
сохранялось равновесие между всеми
ее планами, ибо ни одна линия не
имела и не могла иметь необходимой
для мышления замкнутости и
автономности, не обладала
необходимой полнотой предметного
содержания и могла нормально
развертываться только если рядом и
одновременно с ней развертывались
другие, каждая зависела от степени
продвинутои других линий: одни
из этих линий мыслительной работы

фикси́ровали разрывы и ошибки, другие поставляли проблемы и задачи, третьи -материалы, четвертые давали средства и методы, пятые включали все в культурно-исторический контекст, шестые определяли онтологическое пространство работы. И только вместе друг с другом все эти линии работы образовывали целостность мыслительной деятельности, очень сложным и причудливым образом объединяющей мыслительные процессы разных типов - исторические реконструкции, конструирование, технические и естественнонаучные исследования,

проектирование, нормировку, критику и т.д.

Но именно эта сложность и разноплановость целокупного мыслительного процесса, конституирующая роль рефлексивных выходов внутри него и порожденная ею внутренняя разнородность его элементов и компонентов, возможность постоянно менять логику работы, делали для нас совершенно неприемлемыми формы собственно научного и вообще теоретического синтеза мыслительной работы и заста-

3 См. работы В.С. Степина по квантовой механике. _____

176

вили развивать методологическое мышление, характеризующееся совершенно иными -не объективными, а деятельностными - формами связи разнотипных мыслительных процессом и их продуктов.

Когда пи семинары Московского методологического кружка попадал какой-то новый человек. то у него голова шла кругом, ибо он никак не мог разобраться, почему

развернулась та или иная дискуссия, в чем суть спора и возникающих в ходе него оппозиций, по каким основаниям и в каких планах они устанавливаются. Он находился в окружении множества текстов, совершенно разорванных, как ему казалось, производимых хаотически и вне связи с другими. На каждый поставленный вопрос следовало сразу три-четыре разных ответа, и все они принимались, хотя казались исключаящими друг друга. И выяснить, что из всего говоримого является правильным, а что наоборот неправильно, было просто невозможно. Неудивительно, что у

некоторых от всего этого к концу заседания начиналась тахикардия и они уходили в эмоциональном шоке.

Но в таком положении оказывались не только неофиты, впервые включающиеся в работу кружка. Нередко таким же было положение и старых его членов, проработавших таким образом уже не один год. Объясняется это в первую очередь отсутствием критериев для отделения "правильного" от "неправильного". Выше я уже отметил, что критике и проблематизации подвергались не только отдельные средства мыслительной работы, но и

регулирующие ее методологические
схемы и логические нормы. Поэтому
нередко на указание, что нарушены
определенные логические нормы
рассуждения, докладчик или его
оппоненты отвечали, что они
сделали это сознательно, что именно
в этом и состоял пафос их работы и
что отныне то, что другие считают
ошибкой и неприемлемой формой
мысли, станет образцом и нормой во
всех подобных случаях. Такие
утверждения лишали дискуссию
каких-либо прочных и всеми
принятых оснований, делали ее
крайне зыбкой и неопределенной.

Основным и часто даже единственным регулятивом мыслительной работы в таких ситуациях становились цели работы: если они достигались, то новые и казавшиеся ошибочными схемы мыслительной работы объявлялись допустимыми, фиксировались в специальных методологических схемах, которые должны были проверяться на разном предметном материале, определяться относительно областей применимости и постепенно переводиться в разряд логических норм и методологических схем.

Этот момент - возможность по ходу дела отказаться от существующих схем и норм мыслительной работы и вырабатывать новые или другие схемы и нормы -точно так же является характерным моментом методологического мышления и выступает в качестве его важнейшей цели и результата. Именно поэтому я выше указал, что предметное содержание интересовало членов кружка лишь во вторую очередь: по сути дела оно всегда выступало лишь в качестве повода для того, чтобы развернуть новые формы мышления, схематизировать их и зафиксировать в виде новых логических норм. В

этом состояла первоочередная задача методологической работы, подчиняющая себе все остальные.

Но эта новая нормировка могла появиться только в результате всей работы, по необходимости весьма длительной и охватывающей разнообразный материал, а в спорной ситуации нельзя было апеллировать ни к уже существующим твердо установившимся нормам, ни к будущим, создаваемым новой практикой мышления. Единственным критерием эффективности и, соответственно, допустимости, новых форм мышления в этой

ситуации, как я уже отметил, могли быть только цели работы и, следовательно, все используемые по ходу дела средства и методы; все вновь создаваемые схемы и формы мышления должны были оцениваться относительно этих целей - насколько они обеспечивают достижение их или создают для этого условия. И такая оценка становилась неременным моментом организации коллективного процесса мышления в каждой конфликтной ситуации.

Надо отметить, что вся эта сложность совокупного процесса мышления - его внутренняя разнородность и разноплановость, наличие множества различающихся между собой уровней и слоев рефлексии, свобода относительно уже установленных и общепризнанных логических норм, определяющая роль целей и т.п., делали особенно значимыми и важными формы непосредственной организации работы.

Текущая организация всех интеллектуальных процессов, осуществляемых отдельными

членами работающей группы, становилась тем важным моментом, в котором первоначально осуществлялось и выражалось все - и число одновременно соединенных, состыкованных друг с другом уровней и слоев рефлексивного осмысления, и категориальный строй совокупной интеллектуальной работы и логика коллективного процесса мышления, и наборы непосредственно взаимодействующих друг с другом понятий и представлений. Эта организация творилась тут же, по ходу дела, в процессе живой дискуссии, и ее главным

регулирующим принципом было отношение между поставленными целями и средствами мысленного достижения их. А принимались и ставились на обсуждение только те темы, которые характеризовались диффициентностью этого отношения, т.е. имели разрыв между целями и средствами их достижения, и могли, следовательно, выступить в качестве методологических проблем, требующих для своего разрешения построения принципиально новой (по каким-либо методологическим параметрам) мыслительной деятельности.

Все это делало исключительно сложной и ответственной работу руководителя семинарских занятий. Именно он в каждом спорном случае определял, что "правильно" и что "неправильно" (хотя каждый участник дискуссии, конечно, мог остаться при своем особом мнении), квалифицировал рефлексивно выявленные схемы рассуждений как эффективные или неэффективные, обоснованные или необоснованные, узколокальные или обобщенные и т.д. и таким образом проделывал первую часть работы по конституированию образцов и норм мышления, запрещал и отсекал одни

линии обсуждения и направлял всю коллективную интеллектуальную работу по другим линиям. При этом он очень часто испытывал большие затруднения из-за недостатка методологических средств, необходимых для осмысления ситуаций, складывающихся в процессе коллективной работы, оценки новых идей и новых ходов мысли, для принятия эффективных и перспективных решений, и отнюдь не всегда он действовал лучшим образом: в ряде случаев решения, принятые в весьма ответственных случаях, на несколько лет затормозили развитие

методологических исследований и разработок по очень важным и даже принципиальным направлениям [предполагалась ссылка].

Такой была практика коллективной интеллектуальной работы в Московском методологическом кружке, как она сложилась к концу 1953 г. К середине 1955 г. она организационно оформилась в ряде методологических семинаров, а к началу 1958 г. выработала уже свою собственную субкультуру, по крайней мере с середины 1955 г. практика коллективной интеллектуальной работы стала предметом непрерывающегося рефлексивного

анализа и многие ее специфические черты осознавались уже достаточно адекватно и фиксировались в методических, организационных и этических принципах ⁴. Но это не делало ее еще предметом теоретических и собственно на-

4 Отрывочные литературные данные *[предполагались ссылки на литературу]* позволяют нам заключить, что нечто подобное же происходило и за рубежом. В первую очередь, конечно, в США, но в какой-то мере и в Англии и в Германии складывались группы и коллективы, положившие в основу своей жизни принцип коллективной интеллектуальной работы (сюда надо отнести, по-видимому, все "невидимые" колледжи, REND корпорацию и Гудзоновский институт, в

которых, по-видимому, именно таким образом строились обычно первые этапы разработки какой-то темы или проекта), но в подавляющем большинстве учреждений и объединений подобные группы никогда не были долговременными по составу участников и не сформировали поэтому своей эзотерической субкультуры, но тем не менее опыт организационно-методической рефлексии был зафиксирован в целом ряде "толстых" публикаций и использован (в соответствии со специфическими условиями американской жизни) для создания целого ряда консультативных фирм, выполняющих по контракту работу по организации коллективной интеллектуальной работы группы сотрудников какого-либо учреждения.

учных исследований и разработок: организационно-методической рефлексии было вполне достаточно, чтобы поддерживать и воспроизводить уже сложившуюся практику коллективной работы. Поэтому она развивалась в этом своем качестве, не переходя в предметные научно-теоретические знания о коллективном мышлении.

За это время в коллективной интеллектуальной работе кружка сложилось по крайней мере два комплекса независимых друг от друга знаний: кружок в целом разрабатывал

индивидуализированную теорию интеллектуальных процессов, а его лидеры параллельно и в дополнение к этому рефлексировали практику коллективной интеллектуальной работы и фиксировали ее в организовано-методических знаниях. Каждая из этих форм знания существовала в своем особом "пространстве" - имела своих пользователей, свою область приложений и соответственно этому свое особое содержание. В деятельности эти знания никак не пересекались друг с другом; хотя они и были элементами одной совокупной деятельности, но каждая

форма занимала в ней свое особое место, а поэтому не было никакой нужды соотносить и связывать их с друг с другом по содержанию. В силу этого предметные научно-практические разработки никак не обогащались за счет организационно-методической рефлексии, а последняя, сколько она ни развивалась сама по себе, не оказывала и не могла оказать на них никакого существенного влияния.

Так продолжалось до тех пор, пока в жизни кружка - а это случилось в середине 60-х гг. - не наступили "трудные времена". К этому периоду онтологические, методические и

теоретические средства методологической работы стали весьма сложными и многообразными: конструктивные и проектные подходы отделились от познавательного, деятельностный подход выделился из системно-структурного, и стала оформляться теория деятельности, противопоставившая себя теории мышления. Произошло разделение семиотики и эпистемологии, а внутри последней уже наметилась граница между теорией знания и теорией научных предметов, а вместе с тем существенно расширились области приложения методологии.

Произошел переход от политэкономии и физико-математических наук, на материале которых преимущественно строились логико-методологические исследования в 50-е гг., к лингвистике и биологии, к педагогике и психологии, к социологии и социотехнике, к различным областям инженерного конструирования и проектирования и т.д.

Соответственно этому внутри кружка на базе общей методологической идеологии сложилось несколько течений, которые все больше дифференцировались и расходились

между собой, с одной стороны, по областям работы, а с другой - по характеру тех онтологических, методических и теоретических средств, которые клались в основание всей методологической работы и в силу этого разрабатывались интенсивнее всего: системно-структурный подход, содержательно-генетическая логика, теория мышления, семиотика, эпистемология, теория научного предмета, теория деятельности, теория сознания.

Так внутри Московского методологического кружка сложились относительно

автономные направления - теоретико-мыслительное, системно-проектное, семиотическое и теоретико-деятельностное (в дальнейшем число их продолжало непрерывно увеличиваться), причем настолько быстро, что очень скоро границы между ними стали весьма условными и все они потеряли свою первоначальную организационную определенность, так что сейчас требуется специальная методологическая работа, чтобы разобраться в них и установить строгую логическую типологию.

В результате этой внутренней дифференциации методологических

объектов и методологической парадигматики ситуации на семинарских занятиях кружка неимоверно усложнились, дискуссии стали практически неуправляемыми и эффективность коллективной работы резко снизилась.

Коммуникация перестала быть внутренним структурным моментом общей мыслительной работы, а наоборот превратилась в объемлющую и самодовлеющую систему, которая разворачивалась по своим собственным законам, нередко деформируя или даже целиком разрушая процесс коллективного мышления. Логические нормы

индивидуализированной
мыслительной ра-

179

боты перестали быть средством регулирования и организации коллективной работы, ибо представители всех противостоящих друг другу течений достаточно скрупулезно соблюдали эти нормы, а общая коллективная работа все равно не получалась. Каждый был прав по-своему, но это было уже не единое коллективное мышление, а конгломерат никак не соотносимых друг с другом мыслительных процессов.

Надо было, во-первых, разобраться в том, что происходит, а во-вторых, найти новые эффективные формы организации коллективной работы в условиях, когда в ней оказались представители разных парадигм.

С одной стороны, возможно, эта ситуация свидетельствовала о том, что проработка и культурное оформление вновь созданных средств и освоение их отдельными членами кружка стали отставать от "идейного бега вперед".

С другой стороны, эта очень сложная и в известном смысле критическая ситуация стала весьма продуктивной

для кружка, ибо заставила перевести организационно-методологические проблемы методологической организации коллективной работы, обсуждавшиеся раньше на уровне практико-методической рефлексии, на уровень предметно-теоретических проблем*.

Здесь надо усилить описание критичности этой ситуации и подчеркнуть, что индивидуалистически ориентированные логические нормы мыслительной работы здесь уже не могли помочь, ибо все их соблюдали. Дело было все-таки в другом: участники стали ставить разные цели

и соответственно исходить из разных оснований.

Так возникла необходимость понять:

а) возможности коммуникации и б) возможности организации совместной деятельности в этих условиях, в) принципы такой организации и уже, наконец, г) законы коммуникации и д) законы развертывания совместной интеллектуальной деятельности, е) формы коммуникации, ж) формы организации.

Стало понятным к тому же, что поддерживать в этих условиях коллективную работу на прежнем

уровне можно было только одним способом: надо было разделить кружок на части в соответствии с относительно однородными системами парадигм. Собственно говоря, так и происходило на предшествующих этапах развития кружка: он делился к тому времени уже дважды - в 1957 и 1961 гг. В 1965 г. по этой же схеме произошло третье разделение - выделилось "системное направление". Но значительная часть членов кружка стремилась сохранить единство. Поэтому надо было искать другие формы организации работы и коммуникации в новых условиях.

Для этого прежде всего надо было разобраться в сложившейся ситуации и наметить возможные теоретические формы перестройки и реорганизации ее. Решить эти задачи путем организационно-методической рефлексии было невозможно, поскольку новых форм организации коллективной работы еще не было. Единственным реальным материалом, на который можно было опираться, были разрывы в прежней деятельности, возникшие из-за дезорганизации коммуникации и вызванной этим дезорганизации коллективной работы, которая, сохраняя все элементы и составные

части, тем не менее не удовлетворяла требованиям целостности.

Следовательно, именно коммуникацию и создаваемую ею коллективную интеллектуальную работу нужно было делать предметом теоретических и дальше - специально-научных исследований, чтобы выяснить, какие же собственно формы организации коллективной интеллектуальной работы и какие формы коммуникации внутри нее вообще возможны.

Таким образом, эта очень сложная и даже критическая ситуация заставила перевести

методологические проблемы
организации коллективной работы,
обсуждав-

* В 1964 г. были сделаны и в 1965 г.
опубликованы первые работы по
организации коллективной
интеллектуальной деятельности и роли
рефлексии в этом процессе. Коллективная
деятельность людей в группе и
взаимоотношения их в процессе ее стали
исследоваться в рамках ММК по крайней
мере с 1958 г. Но это не привело и не
могло привести к идее коллективной
работы и к изучению процессов
коммуникации. Нужна была более
определенная и более заостренная, если
можно так выразиться, социотехническая
установка. _____

шиеся раньше в организационно-методической форме, на уровень онтологических -и дальше - предметно-теоретических проблем. В 1964-1965 гг. были сделаны и опубликованы первые работы, посвященные организации коллективного интеллектуального процесса и роли рефлексии в нем. И с тех пор направление теоретических и собственно научных исследований все более утверждалось в рамках кружка.

На передний план выдвинулись понимание и рефлексия - то, что при логико-нормативных исследованиях

мышления оставалось на заднем плане и рассматривалось как добавка и приложение к процессам мышления. Произошла своеобразная пере-центрация проблем. При изучении деятельности как таковой главным стал уже не процесс мышления, а процесс рефлексии; последний легко и естественно вписывался в позиционные и кооперативные схемы деятельности, в то время как связи деятельности и мышления из-за сложности и разноплановости их до сих не проработаны и не выяснены даже в своих основных чертах.

Еще несколько лет проблемы рефлексии и понимания (уже после того как они были переведены в теоретическую и предметную или квазипредметную форму) обсуждались во многом независимо от проблем мышления и разворачивались в своих самостоятельных предметах, которые существовали рядом с предметом теории мышления. В принципе ни представления о рефлексии, ни представления о понимании не могли претендовать на то, чтобы заменить или как-то вытеснить представления о мышлении, тем более - встать на их место. Но

подобные представления и оппозиции складываются сами собой по законам социальной человеческой деятельности: всякий новый круг идей может провозгласить свою значимость и социально утвердиться только за счет противопоставления себя чему-то прежнему и борьбы с этим прежним.

Таким образом, новые схемы стали сталкиваться со старыми невольно, в практике использования их в тех областях материала, где раньше использовались, и казалось бы, и дальше должны были использоваться прежние схемы. Естественно, что эта практика описания и объяснения

какого-то материала в новых средствах и по-новому стимулировала представителей прежней точки зрения попытаться описать то же самое в старых средствах. Так неявная конкуренция разных средств и разных подходов превращалась в явное состязание их на одном и том же материале.

Это делало неизбежным уже сознательное сравнение их (чаще всего "нейтральными" членами кружка, чаще всего неопитами) по строго определенным и сознательно фиксируемым познавательным функциям и методологическим критериям. А от сравнения в свою

очередь был уже только один шаг до сознательной постановки задачи синтеза старых и новых представлений, тем более, что использование их для описания и объяснения одного и того же эмпирического и смыслового материала наталкивало на мысль о принадлежности их к одной системе - либо деятельностной, либо объектной (в зависимости от ситуативных ориентации исследователя, ставившего эту задачу).

В силу этого на рубеже 60-70-х гг. проблема единства взаимосвязи мыслительных процессов (которые

по традиции относились преимущественно к индивидуализированным схемам интеллектуальной деятельности), процессов рефлексии (которые все чаще и чаще связывались теперь с многопозиционными схемами деятельности) и процессов понимания (которые начиная с 1969 г. связывались чаще всего со схемой бинарной коммуникации) стала одной из важнейших для многих членов Московского методологического кружка.

При лом нее ли схемы, с одной стороны, стали усиленно соотноситься и связываться друг с

другом: то схем» коммуникации
вставлялась внутрь схемы
коллективной многоно 1ИЦИПННПЙ
деятельности, то, наоборот, схема
многопозиционной деятельности
вводилась Нiiугрі. схемы
коммуникации и выводилась из нее,
то индивидуализированная
мыслителмши деятельность,
зафиксированная в логико-
нормативных схемах,
рассматривалась k;ik чисть к
составляющая коллективной
мыслительной деятельности, а с
другой стороны, шипим, и которых
фиксировались разные аспекты
мышления, понимания и рефлексии,

стили одинаково свободно
относиться как к схемам индиви-

181

дуализированной интеллектуальной
деятельности, так и к схемам
коллективной деятельности,
пронизанной коммуникационными
связями*.

Естественно, возник вопрос о том
идеальном объекте, в рамках
которого можно было бы связать и
совместить все эти представления.

Но как только действительность
коллективной интеллектуальной
работы и коммуникации была

представлена в теоретических
схемах, выступающих в роли
онтологических картин и моделей,
так тотчас же в действие вступили
специфические механизмы
взаимного сопоставления,
развертывания и синтеза различных
теоретических представлений,
описывающих один объект.

Различные знания, фиксирующие с
разных сторон интеллектуальные
процессы - понимание, рефлексия и
мышление, стали проецироваться не
только на модели и онтологические
картины индивидуальных процессов
мышления, но также на модели и
онтологические картины внутри-

групповой коммуникации и коллективной интеллектуальной деятельности. И тогда выяснилось, что последние обладают значительно большей синтезирующей и объяснительной мощностью, чем первые.

Если раньше, рассматривая интеллектуальную работу как индивидуальный процесс, мы ломали голову и, несмотря ни на какие ухищрения, не могли правдоподобно объяснить, как связаны друг с другом процессы мышления, понимания и рефлексии и как они могут быть представлены на схемах внутригрупповой коммуникации и на схемах

позиционной организации коллективной интеллектуальной деятельности, теперь все это получало совершенно естественное и как бы само собой разумеющееся объяснение и истолкование в соответствии с наглядной графикой схемы⁵ и обыденным смыслом включенных в нее компонентов.

Эта ситуация вновь приводит нас к важнейшему вопросу всякой методологической и научно-исследовательской работы: какими должны быть схемы, задающие идеальный объект изучения, что именно они должны фиксировать или, другими словами, какая именно

структура должна стать ядерной, той, которая будет в дальнейшем разворачиваться, конкретизироваться, соотноситься с эмпирическим материалом, что служить принципом оценки и отсеивания его, связывать и объединять все частные предметы. Именно этот вопрос является главным для всякого подлинного научного исследования и составляет поэтому один из фокусов всех методологических проблем, решаемых в процессе задания новых научных направлений и создания необходимых для них научных предметов⁶.

* В этот период в кружке интенсивно обсуждается проблема соотношения и связи представлений о деятельности и о коммуникации (см. работы В. Овсяника [архивная папка называется: Г.П. Щедровицкий, В.В. Овсяник. Тексты в ситуации коммуникации и в ситуации деятельности. 06.1972-04.1973. 272 стр. машинописи]), но значительно меньше проблемы соотношения и связи коммуникации и мышления. _____

5 Нужно еще предварительно ответить на вопрос, в какой роли выступает та или иная схема. Тогда все эти понятия дифференцируются соответственно функциям схемы - что такое достаточность а) схемы-модели, б) схемы онтологической картины объекта, в) организационно-методической схемы и т.д.

6 Почему-то именно эта важнейшая и в каком-то смысле даже единственно решаемая сторона дела совсем не учитывается во многих работах, претендующих на создание новых направлений и областей исследования. Считается, что достаточно на уровне смысла указать на необходимость учета и исследования каких-то сторон нашей действительности и это будет уже значимым методологическим и даже научным результатом. Широкое распространение этого наивного убеждения способствует появлению на книжном рынке огромного числа околometодологических и околonaучных публикаций, в которых с исключительной серьезностью и важностью на псевдонаучном языке пересказываются идеи здравого смысла, обсуждавшиеся уже столетия, а иногда и тысячелетия

назад. Хочется напомнить, что величие Галилея, как создателя новой науки "механики", состояло отнюдь не в том, что он обнаружил ускоренные движения (о них писал уже Аристотель), а в том, что он построил сложную геометрико-аналитическую модель равноускоренного движения и таким образом получил средства для конструктивно-технической имитации различных ускоренных движений и основанного на этом экспериментального исследования их.

182

Поэтому и в данном случае он, естественно, становится решающим: нужно совершенно недвусмысленно ответить на вопрос, какие же выводы мы сделаем из всей

интеллектуальной работы ММК (включая сюда и опыт организационно-методической рефлексии его деятельности) в отношении схем того идеального объекта, который мы называем "интеллектуальная деятельность".

Отвечая на этот вопрос, мы можем сейчас сформулировать уже предельно резко то, что раньше лишь подразумевалось и едва намечалось в наших теоретических разработках: интеллектуальная деятельность как идеальный объект должна вводиться и задаваться в виде групповой деятельности, организованной в одно целое структурами коммуникации;

коммуникация может рассматриваться либо в виде внутренних связей и структур в общей групповой деятельности, либо в виде внешней структуры для интеллектуальных процессов, осуществляемых отдельными членами группы, но в обоих случаях она будет важнейшим системообразующим фактором коллективной интеллектуальной работы.

То, что до сих пор рассматривали и описывали в виде "индивидуализированной интеллектуальной деятельности", является вырожденным случаем и

может существовать в качестве полной и самодостаточной интеллектуальной деятельности только при условии, что она имитирует и воспроизводит (пока неясно, в какой форме) групповые взаимоотношения и групповую деятельность.

"Индивидуализированные мыслительные процессы", которые мы до сих пор воспроизводили в логических нормативных схемах и теоретически описывали на базе этих схем, не могут интерпретироваться в качестве изображающих полную интеллектуальную деятельность, или

полный интеллектуальный процесс (хотя они по-прежнему могут и должны использоваться в качестве логических норм мышления); эти схемы точно так же не могут интерпретироваться в качестве изображающих части коллективной деятельности: соотнесение их со схемами групповой интеллектуальной деятельности представляет собой особую процедуру, которую надо будет осуществлять специально после того, как будут построены модели и онтологические картины групповой интеллектуальной деятельности.

Таким образом - я резюмирую
сказанное - если мы хотим
"схватить" интеллектуальную
деятельность в ее системности,
выявить ее целостную структуру и
понять взаимосвязь образующих ее
процессов мышления, понимания и
рефлексии, то должны начинать
анализ не с индивидуализированного
интеллектуального процесса и
соответственно не с
интеллектуальной деятельности
отдельного человека, а с
интеллектуальной деятельности
группы, более того - со структуры
коммуникации, существующей в
группе, и из этого затем выводиться,

во-первых, многообразие
интеллектуальных процессов,
развертывающихся внутри нее, и их
взаимосвязи друг с другом, а во-
вторых, формы организации и
динамику совокупной
интеллектуальной работы группы.

*Подготовлено к публикации Г.
Давыдовой*